

П. Б. СТРУВЕ

О «Вехах»

В «Новом времени» публицист А. А. Столыпин, сообщая в своей обычной манере читателям о сборнике «Вехи», цитирует из него как «самую беспощадную и самую характерную для происходящего ныне интеллигентского самосуда» следующую фразу М. О. Гершензона: «*Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Это та самая фраза из статьи М. О. Гершензона, о которой я в недавнем заседании (21 апреля) Религиозно-философского общества, возражая обрушившемуся на «Вехи» Д. С. Мережковскому, сказал: «Ужасная фраза Гершензона есть ужасная мерещковская фраза». Эта фраза может быть «беспощадна», хотя я охотнее после предлога «без» выговорил бы другое слово, но она отнюдь не «характерна» для «Вех», т. е. не характерна для существа их содержания. Следует отметить, что сборник «Вехи» никем не «редактировался» и я, и некоторые другие его участники со статьями других авторов ознакомились только после выхода в свет книжки¹. Наша кооперация в «Вехах» была совершенно свободной, за отдельные фразы того или другого автора никто из нас не несет ответственности и потому мы можем свободно критиковать друг друга. Стараясь осмыслить для себя «характерную» фразу М. О. Гершензона, я прихожу к убеждению, что она морально и политически неверна и исторически несообразна. И точнее: она морально и политически неверна, потому что она исторически совершенно несообразна.

В самом деле: наиболее неожиданной и наиболее замечательной чертой эпохи, в которую мы вступили с 1904 года², является та легкость взаимного понимания, которая установилась между «интеллигенцией», критикуемой в «Вехах», и «народными массами». «Взаимное понимание» тут, может быть, несколько слишком сильное в одном, слишком слабое в другом отношении выражение. «Понимания», может быть, ни с той, ни с другой стороны не было, но была органическая солидарность, которая в некоторых отношениях важнее и значительнее всякого «понимания». Интеллигенция оказалась «революционно-народнической», а народ — «народником-революционером». Поэтому в революции «штыки и тюрьмы», если что и «ограждали» от «ярости народной», то не «интеллигенцию», а владеющие классы и самую правительственную власть. Это просто — *исторический факт*, в сопоставлении с которым фраза М. О. Гершензона представляется явной несообразностью.

Я говорю это совершенно объективно. Я не «народник» и не «революционер». Ни ту легкость, с которой на «народническую» проповедь интеллигенции откликался и откликается «народ», ни то легкомыслие, с которым «интеллигенция» социальные инстинкты масс в их, в сущности, наиболее примитивной форме превратил а в свои «учения» и «программы», я не считаю историческим счастьем для России. Но факты — нравятся нам они или не нравятся — остаются фактами.

И факты таковы: аграрные погромы, происходившие под известным воздействием революционной проповеди, фактически-психологически для прямо или косвенно прикосновенной к ним «интеллигенции» были «слиянием» с «народом», а акт 9 ноября³ есть также фактически-психологически подлинное насилие над народом. Пусть это насилие благотельно, пусть оно двинет вперед культуру, как, вероятно, думает А. А. Столыпин и, наверное, убежден П. А. Столыпин. Меня в настоящий момент оценка фактов не интересует. От нашей оценки «фактическая» природа фактов не меняется.

Русская революция тем и была революцией, что в ней закрылась та пропасть между «интеллигенцией» и «народом», о которой столько лет твердили «славянофилы». Этим создались в русской жизни совершенно новые факты и традиции, разрушившие былые формулы, в том числе и формулу «уваровскую»⁴.

Когда Д. С. Мережковский и Д. В. Filosoф в своих докладных в Религиозно-философском обществе выступили против «Вех», я в своем возражении указал, что они в некоторых

отношениях преувеличили идейное единство этого сборника. В «Вехах» все-таки сохранился и явственно виден старый водораздел русской мысли, тот, который отделял «западничество» и «славянофильство». Гершензон, пускающий в ход «славянофильские» идеи, а также, может быть, Булгаков в известном идейном отношении ближе к Мережковскому и Философову, чем к Франку, к Кистяковскому, к Изгоеву и ко мне. Ибо ведь и Мережковский, и в особенности такие его ученики, как Ал. Блок, не отрицают, а, наоборот, утверждают мистическую рознь между «интеллигенцией» и «народом»⁵. Я отчасти объясняю это тем, что они (и Гершензон) в сущности и не пережили революции с ее поразительным, исторически почти чудесным слиянием этих двух элементов.

На «славянофильстве» Гершензона и Блока лежит отпечаток чего-то нежизненного, надуманного. Это — литература. Вообще, по своему содержанию «славянофильство» в значительной мере стало именно литературой. Некоторые его существенные предпосылки разрушены.

И не характерно ли, что публицист, сочувственно цитирующий «славянофильскую» фразу Гершензона, стоящую в вопиющем противоречии с развернувшимися на наших глазах историческими фактами, носит имя Столыпина, которое войдет в историю как имя разрушителя общины? И опять-таки повторяю: для «фактов» безразлично, как оценивать самое разрушение общины.

Говоря, что критик «Вех» в известном отношении преувеличивает их идейное единство, — я не думаю сам вовсе отрицать такое единство. Оно есть и им в значительной мере обуславливается значение этого сборника. Самое отсутствие единства вытекало из идейной свободы, которую участники «Вех» наперед предоставили друг другу, условившись о самом главном. А это главное — в том, что в «Вехах» подчеркнуто и показано на критике «интеллигенции» основное значение для жизни религиозного начала. Если такова основная идея «Вех», то странна и, скажу откровенно, скудна и беспомощна та критика, которая, минуя эту основную идею, устремляет внимание на те или иные политические выводы, которые можно сделать из наших рассуждений. Вообще основное в «Вехах» основное и шире всякой политики как таковой. Что этого не понимают те, кто ничего, кроме политики, не способен видеть, — нисколько не удивительно, но что этого не поняли Д. В. Философов и Д. С. Мережковский, принявшиеся критиковать «Вехи» *sub specie*⁶ Меньшикова, это достаточно печально. Такая критика не-

избежно обречена на безыдейность и, в сущности, на оппортунизм. Она есть сознательно или бессознательно «тактика» в применении к основным вопросам жизни, «тактика» в вопросах «религии».

(Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 228—232; первоначально опубл. в газете «Слово» от 25 апреля (8 мая) 1909 г.)

